

Каменные надгробия XVII в. из Нововознесенского монастыря в Пскове

2. Надгробие А.Ф. Вельяминова 1650 г., 13 июля

Во время бунта 1650 г. сестры Нововознесенского монастыря во главе с игуменьей Фотинией⁶⁴ глубоко сочувствовали псковскому дворянству и "лучшим" людям - сторонникам государева послушания и порядка - ставшим на пути у разъяренной толпы. Вместе с архиереем и высшим епархиальным руководством они призывали псковичей к спокойствию, терпению и братолюбию и молились за прекращение смуты. Тем не менее многие знатные псковичи пали в дни неистовой смуты. До начала XX века в притворе Нововознесенской церкви хранилось надгробие, вставленное в киот, с надписью:

1. ēYòà &7ðíēĀ i'ēz áú āĀĭ
2. āĭ īīēīānēīā nū ᵃᵃᵃīā āᵃĀī z]
3. x īīēīānēēᵃ āīᵃīā i ī āᵃāēēīāú
4. ᵃᵃēĀīú āᵃīᵃᵃū ᵃᵃā āᵃēē īīēīāēīᵃᵃ
5. īīī Yūēēú āᵃīīāīāēē ŌĀāīᵃᵃēx
6. āāēzī qīīāú a īīēīāēāᵃ ᵃ īīāīāī āīp
7. īāāīēz āūīᵃēᵃāīᵃā īā īᵃĀāīᵃᵃ nᵃᵃᵃīē
8. īᵃīᵃqāú mᵃᵃᵃā nᵃᵃᵃāᵃĀāī ī-āf

(Размеры неизвестны. Хотя, судя по аналогии с подобными плитами, восьмистрочный текст должен был помещаться на доске около 60 см высотой и не менее 40 см шириной).⁶⁵

Вероятно, первым историком, обратившим внимание на это надгробие, был И. А. Шляпкин. Составляя в 1879 г. опись рукописей и книг музея Псковской Археологической Комиссии, при чтении Синодика Николо-Любятова монастыря XVII в., он, между прочим, заметил, что «в помянник занесено имя Афанасия Вельяминова, о котором можно прочесть

Постников Арсений Борисович – ст. научный сотрудник Древлехранилища Псковского музея-заповедника

Окончание. Начало в № 26/2007 г.

на плите в притворе Старовознесенской (так - А.П.) церкви, что он "убиен мятежниками и ворами псковскими" в XVII веке». ⁶⁶ Более внимательно к надгробию отнесся Н. Ф. Окулич-Казарин. Во втором издании "Спутника по древнему Пскову" (1913) он привел полный его текст и отметил место расположения в церкви. "На левой стороне притвора прикреплен к стене деревянный двухъярусный киот; в верхнем его ярусе находится икона св. Екатерины, а в нижний вделана плита превосходной сохранности". ⁶⁷ Поскольку в самой эпитафии оговаривалось место погребения А.Ф. Вельяминова "а положен у Новаго Вознесения в притворе на правой стороне против образа Страшного Суда", Н. Ф. Окулич-Казарин заключил, что "плита, очевидно, была впоследствии вынута из стены и вставлена в переносный киот, чем и объясняется ее перемещение с правой стороны на левую". ⁶⁸ Это весьма существенное замечание, благодаря которому можно точно восстановить первоначальное местонахождение плиты и гробницы в притворе. Справа от дверей в четверик, в углу притвора есть ниша. В ней когда-то был установлен образ Страшного Суда. Такое расположение этой иконы достаточно традиционно. Например, подобный древний образ находился на правой стороне в притворе единоверческой церкви Николы Явленного от Торга. ⁶⁹ Так вот, плита не могла быть вынута из стены произвольно. Для этого должны быть существенные причины. Причем в судьбе такого перемещения прослеживается бережное отношение к надгробию и памяти умершего. Объяснением может служить история построения южного теплого придела к Нововознесенской церкви, который появился в конце XVII века. Он был освящен в честь Пресвятой Богородицы Одигитрии Смоленской. ⁷⁰ При этом возникла необходимость пробить в южный придел дверь из притвора главной церкви. Таким образом, мешавшее этой цели надгробие было осторожно вынута из стены и вставлено в деревянный резной киот. Причем образ святой

Екатерины в верхней части киота тоже находился не случайно, о чем будет сказано ниже.

После революции, когда началось массовое закрытие и разорение церквей, иконы и утварь из псковских храмов стали поступать на хранение в Губернский Краеведческий Музей. Так, каменное надгробие А. Ф. Вельяминова, изъятое из киота, переместилось в четвертый зал Поганкиных палат, где в 1934 г. была представлена экспозиция под названием "Эпоха разложения феодализма на Псковщине". Во время проведения обследования состояния Псковского музея комиссией Леноблпросвета и представителями ГАИМК в числе критических замечаний было высказано следующее: зал, посвященный эпохе феодализма, "насыщен экспонатами исключительной ценности... но подан неудачно. Классовая борьба крестьян XVI-XVII вв. совсем не показана. Восстание 1650 г. - в виде безграмотной картины. Надгробная плита убитого «ворами и разбойниками» псковского помещика Вельяминова отодвинута на задний план".⁷¹ В годы Великой Отечественной войны многие экспонаты музея не были эвакуированы. Многие расхитили оккупанты. Само здание Поганкиных палат сильно пострадало от взрыва. Поэтому оказались утрачены каменные мемориальные плиты из довоенного собрания. Надгробие Вельяминова тоже считалось утраченным. Однако в публикации И. И. Плешановой 1978 года, сообщается, что часть надгробной плиты А. Ф. Вельяминова недавно поступила в собрание Русского музея в Ленинграде из коллекции архитектора-реставратора Ю. П. Спегальского.⁷² Вероятно, Юрий Павлович, наблюдая за расчисткой завалов разрушенного здания Поганкиных палат, нашел большой фрагмент этой плиты и сохранил его, а после смерти Ю. П. Спегальского вдова О. К. Аршакуни передала часть его коллекции в Русский музей.

О жизни А. Ф. Вельяминова известно меньше, чем об обстоятельствах его трагической гибели. Он родился в начале XVII в. в семье Федора Вельяминова (кон. XVI-нач. XVII вв.). Был женат на некоей Авдогье, от которой имел сына наследника Алексея (род. не позже 1650 г. - ум. после 1697 г.). Псковский родовой двор Вельяминовых находился в Мокролужской сотне недалеко от Нововознесенского монастыря. В 1631 г., 30 января, он, со всеми "псковскими

помещики, дворяны и детьми боярскими" "спрашиван и обыскиван" по следственному делу о князе Д. П. Пожарском, по поводу его злоупотреблений на псковском воеводстве. Будучи грамотным, "к сему обыску Афанасей Вельяминов руку приложил".⁷³ Участвуя в общественной жизни горожан, в августе 1638 г. Афанасий Федорович обсуждал и подписал совместно с другими челобитную на имя царя Михаила от "псковичей всех городом, архимандритов, игуменов, игумений, церковных приказчиков и посадских людей псковских пригородов на злоупотребления гдовского, опочецкого, островского и изборского воевод". В челобитной описывались беззакония воевод, их "насилства и продажи многие, и посулы большие", мздоимство и корыстолюбие. В заключение своего послания псковичи просили: "Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, и нас, своих государевых богомолцов, и наших крестьянишек, и нас, сирот своих посадских людишек, вели, государь, нам дати на пригородских воевод во Псков в их насилстве и продаже свою государеву судимую грамоту, как их с воеводства переменят..."⁷⁴ Прощение возымело действие, и царь указал на тех городских воевод "по рассмотренью суд давати сыском".

В 1650 г. во Пскове вспыхнул мятеж мелкого посадского и служилого люда, вызванный массовой скупкой хлеба в неурожайный год. Хлеб предназначался для Швеции. В торговых операциях принимали участие "лучшие" люди города, что навлекло на них гнев озлобленной черни. В результате вооруженного бунта население города раскололось на два враждебных лагеря. Власть захватили мятежники и устроили террор богатых псковичей. Начались мародерства, самосуды и казни. Правительственные войска под руководством Ивана Никитича Хованского взяли Псков в осаду. "Меньшие" люди, не желая покориться, оказывали вооруженное сопротивление. Бывшие в Пскове воеводы вместе с большинством дворян были посажены восставшими в тюрьму. Один из главарей бунтовщиков - Гаврила Демидов - распорядился привести их к присяге. Дворяне наотрез отказались присягать "ворам".

Во время самого крупного сражения под Псковом 12 июля войска Хованского отразили

вылазку мятежников и побили 300 псковичей, а 30 захватили в плен. Озлобленные неудачей бунтовщики обратили свой гнев на псковских дворян, сидевших в тюрьме. На следующий день, 13 июля стрельцы, озверевшие после истязаний узников, вывели их на городскую площадь и публично отрубили головы 10 дворянам. В числе казненных был Афанасий Федорович Вельяминов.⁷⁵ Впоследствии, когда восстание было подавлено, вдова покойного Евдокия⁷⁶ свидетельствовала в своей челобитной на имя царя, что мужа ее пытали, "а спрашивали московских вестей, потому что муж мой перед их воровским умыслом приехал с Москвы".⁷⁷ По указу царя Алексея Михайловича, состоявшемуся 21 августа 1650 г., было повелено по всем русским соборам и монастырям написать в вечный синодик имена дворян и детей боярских и всяких чинов людей, погибших "на ево Государеве службе подо Псковом..." и "побитых от изменников... А годовою памяти указал государь по тех побитых быть июля в 18 день, чтоб та их кровная служба в забвенье николи не была".⁷⁸ В числе псковских дворян в помянники было записано имя Афанасия Вельяминова. Особо усердная память о нем сохранялась в Нововознесенском монастыре. Ежегодно над его гробом совершалась заупокойная служба с чтением синодика. После смерти своего мужа вдова Евдокия вскоре постриглась в монастырь, приняв схиму с именем Екатерина. Логично предположить, что она ушла в монахины Нововознесенской обители. Косвенным подтверждением этому служат записи монастырского синодика. На л. 63 подробно расписан "**Род Алексея Вельяминова**: Алексия. Татианы. Афонасия уби. Иноки Екатерины схим. Евфросинии. Агафии. Феодосии. Иоанна. Андрея. Григория. Иоанна. Татианы. Екатерины. Анны. Наталии. Афонасия млад. Параскевии. Елены. Евдокии. Стефана. Параскевии.

Дворовые люди: Феодора. Матроны девицы. Агафии. Андрея. Марии".⁷⁹ Здесь первыми в роду указаны Алексей Афанасьевич Вельяминов (род. до 1650 - ум. после 1697) с женой Татьяной. Затем назван его убиенный отец Афанасий с женой, иноческое имя которой стало Екатерина. Три последующих женских имени – это, возможно, сестры Алексея. Далее перечислены сыновья Алексея: Иван Большой, упоминаемый в источниках 1696 и

1699 гг.; Андрей, известный по документам 1699 и 1711 гг.; Григорий и Иван Меньшой. Потом перечислены их жены: Татьяна, Екатерина, Анна, Наталия. В конце рода несколько неустановленных имен и дворовые люди, сопричисленные по доброй домостроевской традиции к домочадцам. Представители рода Вельяминовых записаны также и на других листах синодика.⁸⁰

Возможно, именно Алексей Афанасьевич Вельяминов, в конце XVII века, во время строительства южного Одигитриевского придела и входа в него из притвора Нововознесенской церкви, участвовал в сооружении деревянного киота для установления в него памятной плиты своего отца и образа святой Екатерины, тезоименитой покровительницы его матери.

3. Надгробие М. С. Бухвостовой и С. Перепечиной. 1666 г., 1 апреля

Вставлено в южную стену притвора, слева от оконного проема, прежде служившего дверью в Одигитриевский придел. (См. рис. 3 и 5). Приподнято над уровнем пола примерно на 70 см. Выполнено из серого известняка в технике неглубокой обронной резьбы с покатыми очертаниями рельефа. Плита трапециевидная, вытянута по вертикали, верхние углы скруглены. Ширина обрамляющего бортика около 1,5 см, при этом плита по краям замазана старым раствором и слегка утоплена в стене. Вся поверхность надгробия плотно заполнена резьбой, отчего Распятие с Лобным местом ужато по вертикали и занимает квадратную площадь. Разделительные точки крупны и почти равны по высоте литерам в монограммах. В написании священного имени Иисуса Христа резчиком плиты допущена досадная ошибка. По обе стороны от креста повторены инициалы под титлом: •ІІ• дважды. Текст разделен на семь строк.

1. еYоа &сdлaл Aааоnоа ау ал lа iдi
2. блoтaлeа =лoлaл eдbа алiз iдa
3. пoAaeiz даaf аaeу i Aduz noa
4. iAitaa ai×ieeEoeia aeif noaiA
5. itae=a aоaлnoiaa aa a блe ae oae
6. oaeè iteiaeif i m ta nte aiE
7. aa noaiAitaeay aeif idaiA=efa

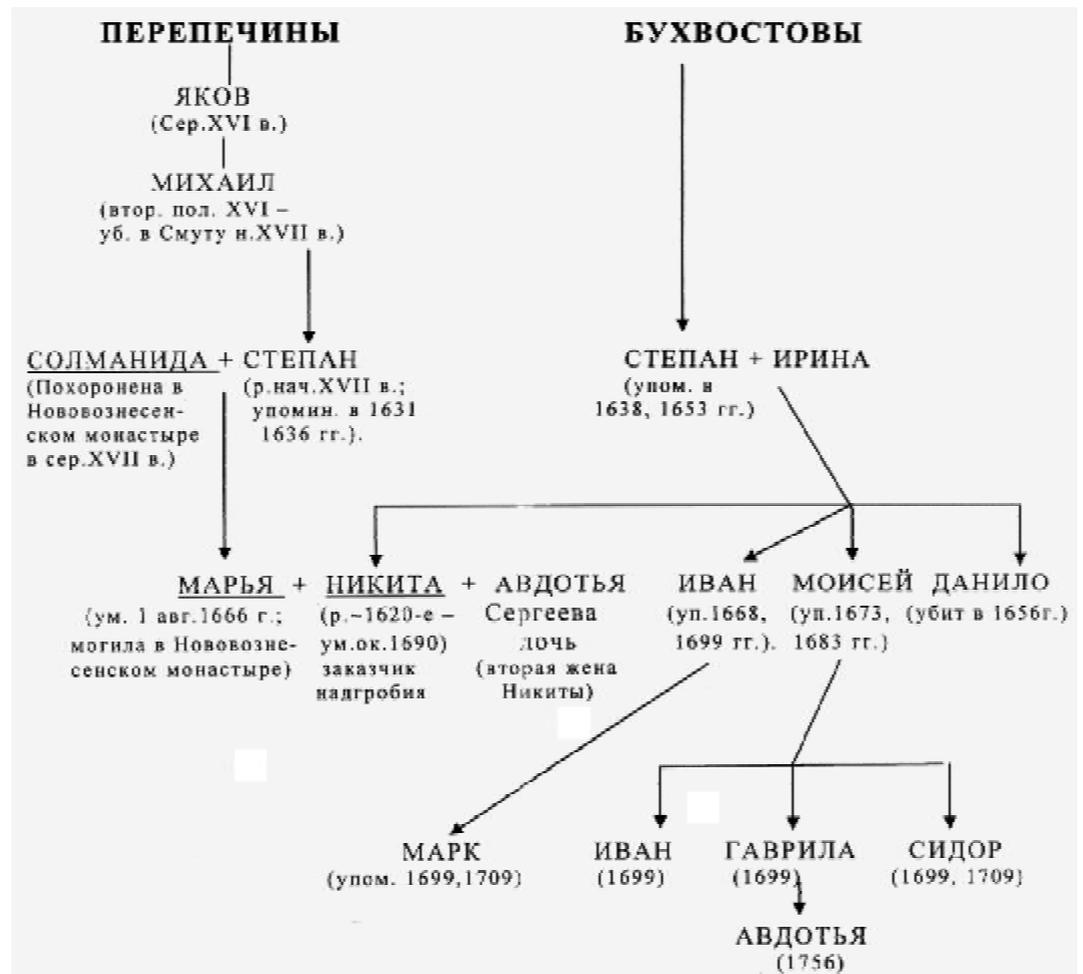
(Размеры: 50 X 32,5 см).

Высота строк 3,2 см. Междустрочное расстояние 1,7 см. Количество букв в строках колеблется от 23 до 26. Выносных букв мало, но обильно использованы подчинения и соподчинения. Из диакритических знаков использованы титла, оксии, вари, каморы и лишь один раз паерок. Контурные букв утончены и варьируются по начертанию. Надпись скомпонова-

на плотно, но распределена в строках пропорционально, и поэтому не кажется густой. На отдельных знаках сохранились следы черной прокраски.

В тексте эпитафии названы представители двух родов, породненных брачным союзом. Для наглядности пояснения приведем фрагмент их общего родословного древа.

Родственная ветвь семей псковских дворян Бухвостовых и Перепечиных⁸¹

Перепечины - род мелкопоместных дворян, известный на Псковской земле со времени ее присоединения к Московскому государству. По сведениям С. Б. Веселовского, Перепечины относились к разряду рядовых служилых людей Переяславля-Залесского, исстари входившего в состав Московского княжества. В XV-XVI веках и частью также в XVII в. Перепечины в качестве митрополичьих и патриарших дворян и детей боярских находились на службе в Москве. После присоединения Новгорода к Москве с конца XV века отдельная ветвь рода Перепечиных была переведена из Переяславля-Залесского и помещена в Великом Новгороде.⁸² Вероятно, псковские Перепечины происходили от новгородских переведенцев.

Погребенные под полом Нововознесенской церкви женщины Перепечиных - Солманида (Соломония) и Марья (в замужестве Бухвостова) - по-видимому, не были инокинями в этой обители. Их почетное захоронение в стенах церкви, очевидно, связано с вкладами в монастырь их родственников. Муж Солманиды Степан Михайлов сын Перепечин, живший в первой половине XVII в., был псковским помещиком и стрелецким сотником. Его активная служебная деятельность приходится на 1630-е годы. Первое упоминание о нем содержится в материалах следственного дела о князе Д. П. Пожарском. 3 марта 1631 г. С. М. Перепечин наряду с другими помещиками был допрашиван о злоупотреблениях воеводы князя Д. П. Пожарского и в завершение его слов "К сему обыску Алексей Юрлов в свое место и в Степаново место Перепечина руку приложил".⁸³ Во время ведения Смоленской войны (1632-1634 гг.) между Россией и Речью Посполитой Степан Перепечин был серьезно ранен. Поэтому 4 августа 1633 г. из Стрелецкого приказа в Москве была послана царская грамота в Псков воеводам кн. Ф. А. Елецкому и Д. Е. Воейкову о назначении стрелецким сотником в Псков пусторжевца Дмитрия Данилова сына Алексеева на место подавшего челобитную об освобождении от должности по ранению Степана Перепечина.⁸⁴ Но уже вскоре Степан Михайлович оправился от ран и с нового года был на ратной государевой службе. Об этом свидетельствует отписка псковского дворцового дьяка Томила Истомина с обвинением воеводы Дмитрия Воейкова в уклонении от военных действий против литовцев, от июня 1634 г. В отпис-

ке сообщается о том, что воевода Д. Е. Воейков в феврале послал государю неправый доклад о своем походе с псковским войском под Себеж, где якобы он дал литовцам бой за пять верст от города и взял в плен трех человек "языков". На самом деле, будучи под Себежем, Воейков уклонился от боя, а "языков" добыли "за 5 верст Себежа литовских трех человек пахолков псковские помещики Ондрей Окунев да Степан Перепечин да опочецкой голова стрелецкой Иван Зубатой не на бою, - шли, государь, они испод Себежа к Луже пеши".⁸⁵ По окончании Смоленской войны С. М. Перепечин продолжал службу в Пскове. Сохранилось его рукоприкладство от 25 апреля 1636 г. на отписке псковского воеводы князя Федора Куракина и дьяка Григория Лукина о ветхости церкви Воздвижения Честного Креста и Апостолов Петра и Павла, в подвалах которых хранится зеленая и свинцовая казна.⁸⁶

Дочь Степана Перепечина и Соломонии Марья вышла замуж за псковского дворянина Никиту Степановича Бухвостова (~1620-е - 1690 г.). Детей у них, по-видимому, не было. Марья умерла 1 августа 1666 г. будучи еще молодой. Ее муж заказал каменную надгробную плиту для новопреставленной жены и прежде почившей свекрови. Некоторое время спустя Никита Степанович женился вторично на Евдокии Сергеевой дочери из новгородских дворян (ее род установить не удалось). Однако и в новом браке детей у Бухвостова, вероятно, не было.

Н. С. Бухвостов принимал участие в Русско-шведской войне 1656-1658 гг. Известно, что 17 декабря 1656 г. из Разрядного приказа к воеводе П. И. Потемкину была послана указная грамота о составлении и присылке в приказ росписи находящегося в Ладого с Никитой Бухвостовым пушечного наряда, пороха, свинца, хлеба, соли и прочего, что осталось в наличии после неудачной осады Орешка русскими войсками.⁸⁷ В то же время велась русско-польская война 1654-1667 гг. По ее завершении оставались напряженные отношения России с Речью Посполитой. Поэтому всякие крамольные и подозрительные разговоры по поводу современных политических событий отслеживались и пресекались правительством. В ноябре 1667 г. псковский воевода И. А. Хованский писал в Москву об изветном деле по доносу островского попа Гавриила на островского же приказного человека Зиновия Зубатого, бывшего в

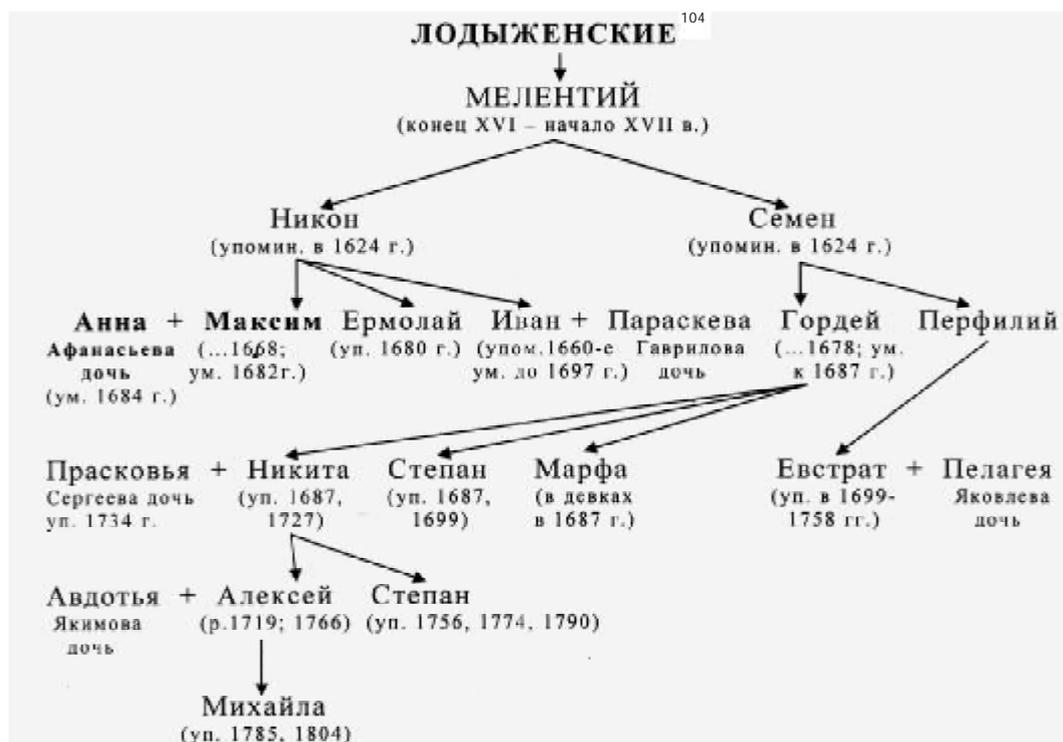

Форма плиты почти квадратная, но верхние углы ее скруглены. В центре верхней части высечено осьмиконечное Распятие четких пропорций на трехступенчатом подножии с копием и тростью. Изображение Креста обрамлено двумя декоративными растительными побегами. По сторонам традиционные надписания под титлами, разделенные крупными точками. Надгробие вмуровано в стенную нишу около пяти сантиметров глубиной. Возвышается над уровнем пола примерно на 80 см. Кроме известнякового раствора и обмазки, удерживается в стене с помощью железной скобы, захватывающей бортик в верхней части. Ширина выпуклой рамки от 2,5 до 1,5 см. Ее волнистые неровности вызваны подвижками строк в сторону правого поля. Пространная семистрочная эпитафия изящно вписана в ковчезец плиты и равномерно распределена по всему полю. Композиция текста отличается продуманностью и особой изысканностью в художественном сочетании букв. Высота строк 3,8 см. Междустрочное расстояние 1,8 см. Число строчных букв колеблется от 35 до 45 из-за хитросплетений вязи, многочисленных подчинений и соподчинений. Интересны лигатуры "ти", "при", "тны", "пик", "пи", "ви", "мя", "чни". Особенно замысловато выглядит слово "преподобнаго", в котором благодаря сочетанию лигатур отдельные литеры означают не одну, а сразу несколько букв. Обильно используются выносные буквы и диакритические надстрочные знаки. Эпитафия написана грамотно, с использованием книжного текста, что видно из цитированных по старопечатным святым дней памяти почивших, пришедшихся на церковные праздники, упомянутые на плите. Это обстоятельство помогло также в прочтении некоторых истершихся слов, поврежденных сыростью и известковыми солями.

Устроителем поминального надгробия над захоронением родителей был Михаил Венедиктов сын Сарпунов - видный псковский серебряник, оптовый торговец и бурмистр Псковской Ратуши. Проживал на Романовой горке в Мокролуужской сотне. Его двор с каменными палатами находился возле палат Меншиковых. Семья Сарпуновых имела тесные связи с Нововознесенским девичьим монастырем. Отец Михаила - Венедикт Лаврентиев был монастырским серебряником, жил с семьей при этом монастыре и был в нем погребен. Синодик обители

содержит подробное описание благотворительных деяний М. В. Сарпунова, который опекал монастырь на протяжении всей своей жизни. Н. П. Осипова опубликовала "Роспись псковитина посадского человека Михаила Венедиктова сына Сарпунова строению и поданию его в церковь Божию в Нововознесенский девичь монастырь в розных годах и при которых игуменьях...".⁹⁷ Из нее следует, что в 1682, 1687 и 1710 гг., после разрушительных городских пожаров, в которых пострадала обитель, М. В. Сарпунов трижды вкладывал значительные денежные средства на восстановление и перестройку монастырской церкви, в том числе на приобретение новой церковной утвари и богослужебных облачений. Именно Сарпунов возвел каменный свод над папертью, под полом которой упокоились его родители. По сведениям Б. А. Постникова, годы жизни Венедикта Ларионова (в некоторых документах Лаврентьева) приходятся на 1620-1669; а его сына Михаила Сарпунова - на 1641-1716 гг.⁹⁸ Логично предположить, что захоронение Михаила Венедиктова сына Сарпунова тоже находится в стенах Нововознесенской обители. Его надгробие не сохранилось, поскольку оно могло находиться в Одигитриевском приделе, разобранным по ветхости в 1825 г. По сведениям инженера полковника И. Ф. Годовикова, основанным на натуральных наблюдениях и обмерах 1855-1866 годов, плитяное "основание придела с подвальными сводами, означенное на плане пунктиром, видно еще и поныне, а также и заложная дверь, сообщавшая придел с алтарем церкви Вознесения Господня".⁹⁹ В рукописи Годовикова содержится важное замечание о том, что "при уничтожении придела, под плитяным полом обнаружен гроб схимника, ризы коего остались нетленными. Гроб был перенесен на Дмитриевское кладбище".¹⁰⁰ Это пример того, что в Одигитриевском приделе также совершались захоронения. Южная стена придела на всем ее протяжении была вскрыта во время раскопок 1995 г. Согласно отчету С. В. Степанова об археологических раскопках у церкви Новое Вознесение, длина кладки южного придела составила 23,5 м, что соответствует длинной оси самой церкви с учетом звонницы и апсиды. Внутреннее пространство обнаруженного помещения было разделено поперек на две части каменной стенкой. Таким образом, по расчетам С. В. Степанова, "реконструируемая площадь

Максим Лодыженский родился в семье псковского помещика Никона Мелентиева сына Лодыженского, жившего в конце XVI - первой половине XVII века. У Никона был брат Семен Мелентиев сын. Оба они упоминаются в писцовой книге 1624 г. Через 180 лет их имена прозвучат в "Деле по указу Герольдии о доставлении сведений о доказательствах древности рода Лодыженских...". В 1804 г. их праправнук Михаил Алексеевич подал прошение в Герольдию о присвоении ему родового герба. Однако Герольдия в своем ответе от 26 марта 1804 г. отклонила его просьбу за отсутствием авторитетного освидетельствования родового происхождения М. А. Лодыженского дворянским обществом. "И по указу Его Императорского Величества в Герольдии определено: хотя из доказательств коллежского ассесора Михайла Лодыженского и видно, что Никон и Семен Мелентьевы дети во 132 году владели поместьями, и оныя наконец наследственны отказаны во владение Алексея Никитина сына Лодыженского, которой по родословной просителю Михайлу Лодыженскому показан отцем, а Семен Мелентиев сын родным прапрадедом; но оная родословная ни кем не засвидетельствована; и потому Герольдия ныне к сочинению,

по прошению его герба, равным образом и копии выдать с внесенного уже в Гербовник герба рода Лодыженских не может..."¹⁰⁵ Формальный отказ Герольдии не должен нас смущать, поскольку есть все "доказательства древности" и истинности существования псковских представителей рода дворян Лодыженских.

Известно, что у Никона Мелентьева было три сына. Максим, Ермолай да Иван. Порядок их старшинства не определен. Можно предположить, что родились они примерно в 1620-х годах, поскольку в 1680 г. в сметной книге по Пскову Ермолай и Максим указаны отставными от службы "за старость и увечьем".¹⁰⁶ Иван с Ермолаем были невельскими помещиками, но служили с псковичами. В оброчной книге Пскова 1668 г. указывается двор Ивана Никонова сына Лодыженского,¹⁰⁷ на котором после смерти мужа продолжала жить его жена Параскева Гаврилова дочь, упоминаемая в 1697 г.¹⁰⁸ Псковский помещик Максим Никонов сын также имел свой двор в Пскове, который был им куплен до 1668 г. у "осташковца Максима Серебренника". Оброчных денег с пошлинами за дворовое место платилось 11 алтын.¹⁰⁹ Более точно локализовать место этого двора позволяет указание переписной книги Пскова 1678 г.

В Мокролужской сотне Окольного города отмечен "Двор псковитина Максима Никонова сына Лодыженского, во дворничестве живет посацкой человек Гришка Ефремов, Петровской сотни, место оброчное".¹¹⁰ К 1680 г. М. Н. Лодыженский был "отставлен от полковые службы за старость и увечь", а 27 апреля 1682 г. умер. Вскоре, 2 февраля 1684 г. умерла и его жена вдова Анна Афанасьева дочь. Их прах захоронен под папертью церкви Новое Вознесение на правой стороне от входа. Каменную надгробную плиту заказал кто-то из родственников в 1684 г. Тогда же их имена были вписаны в разные церковные синодики для вечного поминовения.¹¹¹ Наиболее подробная запись содержится в синодике Ново-Вознесенского монастыря (кон. XVII-нач. XVIII вв.). Здесь представлены все братья Лодыженские вместе со своими женами. "Ὁτῶν εἶα Ὑαεαίηεεοῦ: ἰϞΑἱ ἱά· ἱάδανηἱάαἱε· ἱ ἀηνἱἱ ἀ· Αἱἱἱἱ· ἀαΑΟἱε· ἀδ- ἱ ἱεἱἱ· ἱ Ἀδἱε· ὀεεἱἱἱἱ".¹¹²

Опустелый двор Максима и Анны Лодыженских перешел во владение псковских дворян Огибаловых. В оброчной книге по Пскову 1697 г. сообщается: "На Григорьеве жене Юрьева сына Огибалова на вдове Федосье Афонасьевой дочери... з дворового ж места, что было Максима Лодыженского, оброку три алтына три денги".¹¹³

**6. Надгробие И. М. Чиркина
да И. И. Чиркина
1684 г., 25 марта;
1689 г., 6 марта.**

Находится на паперти, слева от входа в притвор. (См. рис. 3 и 8). Вмуровано в стену примерно в 90 см над уровнем пола. Плита слегка "утоплена" в плоскости стены в нише глубиной около 5 см. Изготовлена из серого известняка. Имеет почти прямоугольную форму, суживающуюся кверху (ширина у основания 42 см; в завершении 39 см). Углы скрулены. Рельефная надпись исполнена в технике достаточно глубокой обронной резьбы (до 0,3 - 0,4 см). Верхняя четверть плиты занята изображением трисоставного Креста на ступенчатой Голгофе, с орудиями страстей. Распятие обрамлено двумя процветшими побегами стилизованного вида. По сторонам надписания и "словотит-

ла". Ниже помещена семистрочная эпитафия, три нижних строки которой сильно повреждены:

1. εἸὸὰ &ϞἸἱἱ ἱάἱ ἱ Ἀὸἱ εἱἱ
2. ἱ Ἰἱἱἱἱἱἱ ἱἱἱ ἱἱἱἱ ἱἱἱ ἱ
3. ἱ ἱἱἱἱἱἱ ἱἱἱ ἱ ἱἱ ἱἱἱἱἱἱ
4. ἱ ἱἱἱ ἱἱ ἱἱἱ ἱἱἱἱἱἱἱ ἱἱἱἱἱ
5. ἱἱἱἱ ἱἱἱἱ ἱἱἱἱἱἱ ἱἱἱἱἱἱ
6. ἱ [ἱἱἱ . . . . . ἱἱ ἱἱἱἱἱἱἱἱἱ. . . . .]
7. . . . . ἱ. ὀ. . . . . ἱ . . . . .]

(Размеры: 57 X 42-39 см).

По фрагментам шестой строки можно предположить, что в конце надписи речь идет о каком-то "построении" "на сем месте", возможно, иконы над погребением. Высота строк колеблется от 4,6 до 3,5 см. Расстояние между строк от 2,0 до 1,5 см. Ширина бортика от 2,0 до 1,2 см. Такая неровность резьбы, по-видимому, зависела от неточного расчета длины текста. Первые пять строк размещены просторно со значительными пробелами между слов. А две последние утраченные сильно уплотнены. Тем не менее общая композиция сохраняет гармонию. Укрупненность букв, писанных простым полууставом, а также большое количество штамбов придает надписи некоторую грузность. Сплетенных вязью букв мало, в основном используются подчинения знаков. Число строчных букв в уцелевшем тексте разнится от 17 до 20. Кроме диакритических знаков применены выносные согласные буквы: "дн", "в", "н", "м", "с", "б", "р", причем "рцы" располагается между строк и стоймя и плашмя. Фон ковчежца местами сохранил подцветку розово-красноватым пигментом, хотя последний может быть обычной штукатуркой XVIII века, поскольку фон полей ковчежцев других плит на паперти точно такой же.

Род псковских дворян Чиркиных, упомянутых в надписи, ведется от некоего Романа Чиркина, жившего в первой половине XVI века. У него был сын Иван Большой, названный в Тысячной книге 1550 г. как вороначский помещик. В книге он поименован вместе с сыном Молчаном.¹¹⁴ Логично предположить, что, кроме Ивана Большого, должен был быть Иван Меньшой. От них пошли ветви рода Чиркиных. В середине XVI века жили Ивановы сыновья Лытай, Молчан и Семен, известные по отчете-

ствам сыновей, упомянутых в писцовой книге Пскова 1585-1587 гг. У Лытая был сын Григорий, у Молчана Степан да Петр, у Семена Тихон.¹¹⁵ Они доводились друг другу двоюродными братьями. Именно от них произошли потомки, захороненные в Нововознесенском монастыре. Однако точной преемственности поколений установить не удалось из-за отсутствия в нашем распоряжении прямых источников. Можно только догадываться, что Иван Иванов сын, умерший 6 марта 1689 г., мог быть сыном Ивана Матфеева Чиркина, умершего 25 марта 1682 г. Хотя это сомнительно из-за столь малой разницы во времени их кончины. В таком случае они могли быть двоюродными братьями или дядей с племянником. К сожалению, из-за плохой сохранности плиты, нижняя часть которой сильно пострадала от сырости, две последние строки не читаются. Возможно, поэтому не удастся точно атрибутировать родственные отношения упомянутых персон. Вероятно также, что Иван Иванов сын являлся наследником того Чиркина, который известен по документам, связанным с событиями псковского бунта 1650 г. Если это так, то необходимо подробнее рассказать об этом драматическом этапе в истории рода Чиркиных.

Как известно, причиной псковского восстания 1650 г. явилась оптовая скупка хлеба на местном рынке. Она была организована по указу московского правительства, для сбора необходимого числа тысяч четей ржи, чтобы расплатиться со шведами за русских перебежчиков, вышедших из-за шведского рубежа в Россию в период с 1618 г. по 1648 г. Закупка хлеба была вверена гостю Федору Емельянову. Ему надлежало повысить цены на хлеб, "чтобы немцам по дорогой цене продать". Но год был неурожайным, и среди псковичей произошло смятение. По сведениям М. Н. Тихомирова: "В этой спекуляции заинтересован был ряд псковских помещиков. В числе продавцов хлеба гость Емельянов называет помещиков Ивана Нащокина с братом, *Ивана Чиркина* и Парамона Турова".¹¹⁶ Мятеж начался 28 февраля, а около 20 марта в Псковской всегородной избе были смещены прежние всегородные старосты. Вместо них восставшие псковичи избрали новых старост Гаврилу Демидова и Михаила Мошницына. Затем произошел арест старого и смещение нового воевод. Полнота власти перешла

к всегородным старостам и выборным людям, составившим некое сословное представительство "по два человека изо всяких чинов". Уже 3 мая в числе выборных людей во всегородной избе, рядом с главой бунтовщиков Гаврилой Демидовым упоминается дворянин Иван Чиркин. Он был единственным дворянским делегатом, поскольку абсолютное большинство дворян уклонилось от участия в восстании.¹¹⁷ Вот что сообщает о нем М. Н. Тихомиров: "Фигура Чиркина очень своеобразна. Многочисленный род Чиркиных владел поместьями в Псковском уезде. Иван Чиркин был замешан в хлебной спекуляции Емельянова. Каким же образом попал он во всегородную избу? Некоторое представление об этом дает челобитная Чиркина, поданная им на царское имя в 1653 г. Из челобитной выясняется, что Иван Чиркин в 1650 г. был в Пскове «у сыскнова дела», выводил в посад тяглых людей. Во время восстания псковичи приводили его во всегородную избу под стражей «за топорами», а потом посадили в тюрьму. Но сиденье в земской избе настолько скомпрометировало Ивана Чиркина, что даже в 1653 г. он добился только записи в Разряд, а поместья обратно не получил".¹¹⁸ Как видим, Чиркин оказался среди выборных людей достаточно случайно и, видимо, согласился сотрудничать с мятежниками из-за угрозы расправы. Тем не менее он принимал непосредственное участие в делах всегородной избы: приеме посыльных, переговорах с ними и, наконец, обсуждении текста большой псковской челобитной, составленной для московского правительства, с изложением причин недовольства псковичей и их требований. Среди многих подписей под большой челобитной, написанной от имени "всего города", есть рукоприкладство Ивана Чиркина.¹¹⁹ Позднее, когда бунт был усмирён, замешанные в нем дворяне во главе с Иваном Чиркиным поехали в Москву с повинными челобитными. В покаянной челобитной, поданной им в 1653 г. на царское имя, Иван Чиркин сообщал, что "его брата с женой и сыном убили, а племяннику голову отсекли".¹²⁰ М. Н. Тихомиров нигде не называет отчества Ивана Чиркина, не именуется его погибших родственников. Сопоставляя имеющиеся у нас факты с описываемыми событиями середины XVII века, можно сделать определенные уточнения. Так, по документам первой половины

XVII в. устанавливается отчество и родство Ивана Григорьева сына Чиркина.¹²¹ Его отец псковский дворянин Григорий Лыгаев сын упомянут в писцовой книге 1585-1587 г., как владлец пустошей и мельницы в Мелетовской засаде Псковского уезда и в Дубковском уезде.¹²² Сам Иван Григорьев сын начинал службу как мелкопоместный дворянин, с денежным окладом всего в 18 рублей на 1619/20 г. Принимал активное участие в городских общественных делах. В 1631 г. "спрашиван и обыскиван" по следственному делу о князе Дмитрие Петровиче Пожарском, по поводу его злоупотреблений, во время бытности его воеводою в Пскове. Был грамотным и подписывал самостоятельно все документы за себя и других: "Иван Чиркин руку приложил и в Григорьево место Бешенцова".¹²³ В августе 1638 г. подписал "Челобитную псковичей всем городом, архимандритов, игуменов, игумений, церковных приказчиков и посадских людей псковских пригородов на злоупотребления гдовского, опочецкого, островского и изборского воевод".¹²⁴ Последний всплеск его активности приходится на период псковской смуты 1650 г., после чего из-за опалы он лишается поместья, но "из милости" ему разрешено продолжать государеву городовую службу. При этом во время бунта Иван Григорьев сын Чиркин потерял четырех своих родственников, загубленных мятежниками. По псковским синодикам устанавливаются их имена. Так, в синодике Троицкого собора второй половины XVII века на листах 59-60 есть запись:

•ōīōā āīāō īīzōū āū •ēō• īīāēDīīūō
īā āōōāā nēōāē īīāīōīāīī ū ī nēīāīī ū āāī-
ōūīū b āyōāē āīZīēōū īāīZēēōū ēīīāū
ēpāāē āī •ōūēl āīāō, ā āīāīāīē īāī yōē
āūīī īīīēōū īpēy āū 8ī āīū: . . . īīēī-
āē:ē ēēēēīū: •ōāōāīōā . . . •ōāMāīōā
•ōīī s •tōāī /y".¹²⁵

Те же имена названы в общерусском "Синодике по убиенных во брани" XVI-XVII вв., ведшемся в Москве.¹²⁶ Два Федора и Фома Чиркины поименованы в списке, отправленном из Пскова для царя, где перечислены дворяне и дети боярские и иных чинов люди, убитые под Псковом в 1650 г.¹²⁷ Список стал первоисточником для составленного помянника псковичей,

разосланного из столицы по всем городам. Однако не все имена попали в него. Известны и другие погибшие. Среди них Богдан Федоров сын Чиркин.¹²⁸ Он был посажен бунтовщиками в тюрьму, а затем публично казнен. По-видимому, Иван Григорьев сын Чиркин имел в виду именно Богдана, когда говорил, "что его племяннику отсекли голову". Другая псковская ветвь рода Чиркиных меньше пострадала от смуты. Известно, что бунтовщики пользуясь вседозволенностью, промышляли разбоем. По свидетельству дворянина А. П. Окунева, сорок человек шишей из Пскова совершали разбойные налеты на усадьбы помещиков: "Да во Псковском уезде выжгли двор Третьяка Чиркина и иных дворян и детей боярских дома жгли и грабили".¹²⁹ В результате псковской смуты род Чиркиных испытал большие потрясения и личные драмы, которые отразились на судьбе их потомков.

Наиболее вероятно, что захороненный в Нововознесенском монастыре Иван Иванов был сыном Ивана Григорьева Чиркина. Прямых сведений о его личности нет, что, возможно, объясняется оскудением их фамилии, изъятием отцовского поместья из-за царской опалы. Если это предположение верно, то после смерти своих родителей именно Иван Иванов сын позаботился об их церковном поминовении и вписал их имена в псковские синодики. Например, род Ивана Григорьева сына Чиркина и его жены Татьяны вписан в два синодика Троицкого собора и помянник Николо-Любятова монастыря.¹³⁰ А в "Кормовой (вкладной) книге Псково-Печерского монастыря 1558 г. - XVII в." записаны дни памяти Ивана Григорьева Чиркина (9 октября) и Якова Иванова сына Чиркина (9 апреля). Причем про Якова сказано, что он "убиен бысть на Государеве службе".¹³¹ Если об Иване Иванове сыне Чиркине есть хоть какая-то косвенная информация, то про Ивана Матфеева сына, погребенного вместе с ним, совсем ничего не известно. Можно лишь напомнить про них старое традиционное речение: они были государевы служилые люди, "воины - славою и кровью венчанные".

* * *

Надгробия из Нововознесенской церкви составляют единую совокупность удачно сохранившегося храмового монастырского не-

крополя Пскова XVII века. Это один из наиболее полно уцелевших мемориальных комплексов. Больше число плит XVII века (7 штук) только в церкви Успения с Полоница. В других храмах надгробий меньше, и состояние их хуже, поскольку многие сильно повреждены и не читаются, так как буквы изгладились. Кроме того, есть большая доля вероятности, что внутри церкви Новое Вознесение под полом сохранились непогрешенными прахи людей, названных в надгробиях. (Это крайне редкое счастье для старинных покойников). При жизни эти люди заботились о храме, благоукрашали и поддерживали его, а по смерти храм охраняет их покой и обеспечивает вечное предстояние в Доме Божиим перед Престолом Господним.

Старинная традиция погребений в церквях существовала со времен раннего Христианства и была воспринята на Руси вместе с Православием. Древнейшие псковские надгробия не сохранились, а те, что обнаружены, не дают сведений о личности погребенных. На древних некрополях могилы обозначались воздвигнутыми на них безымянными деревянными и каменными крестами с традиционными надписаниями. Смиренно-мудрое христианское сознание, основанное на жизненной целеустремленности "взыскания Царства Небесного", допускает существование безымянных могил, для которых достаточно лишь наличие креста, как символа веры, образа искупления грехов и грядущего воскресения мертвых. Вера в жизнь вечную предполагает убежденность в том, что "у Бога все живы" и незабвенны. Потомкам умерших важно лишь самим помнить их имена для заупокойных молитв о душах ушедших. Наиболее полезным для душ усопших считается соборное церковное поминовение с посещением могил на кладбище в родительские субботы - особые дни вселенской памяти умерших. Естественно, что в народном сознании кладбище - это земля наших пращуров, обители прародителей, святое место упокоения до эсхатологического времени всеобщего воскресения. Однако, "если прежде родовая память отличала одни могилы и надгробия без надписей от других, то, со временем, при заполнении кладбища новыми захоронениями потребовались специальные метки - эпитафии на надгробиях".¹³²

Самые ранние сохранившиеся на Псковской земле именные памятники - керамиды относятся к середине XVI века. Сложившийся местный обычай изготовления керамических и каменных надгробий благополучно просуществовал до начала XVIII века. В Синодальный период Русской Церкви, начиная с эпохи Петра I, стали появляться законы, ограничивающие развитие целого ряда традиционных ремесел, в том числе изготовление привычных псковичам погребальных плит, вмурованных в церковные стены. Это связано с усилением влияния светского государства в церковных вопросах. Новая государственная политика была направлена на жесткий надзор за деятельностью Церкви в целом и всех христиан в частности, в целях подчинения всей жизни русских людей влиянию "регулярного государства". Так, появились царские указы о запрещении погребений в дубовых гробах, о "правильном" размещении покойников на кладбищах с выравниванием в линию намогильных плит, о закрытии часовен и надмогильных палаток, о запрещении изготавливать меднолитные образки, часто бытовавшие на погребальных крестах и голубцах, о прекращении практики существования скудельных ям на кладбищах, о запрете псковским посадским людям самим назначать церковных старост (1734 г.) и многие другие. Храмы вышли из-под опеки православных мирян и попали в исключительное ведение и распоряжение архиереев. Все это привело к постепенному изживанию и забвению некоторых древлеправославных традиций, в том числе к удалению мирян от соборного участия в делах Церкви. Тем не менее правила старинного погребального обряда, несмотря на запреты, сохранялись у староверов. В городах, где надсмотр властей был зорче, искоренение запрещенных государем старинных ремесел, служивших ритуальным целям, произошло быстрее, чем в удаленных от центра окраинах. "Просвещенные" псковские архиереи XVIII века активно боролись со всякими "пережитками" русской церковной старины в Псковской епархии. Архиепископ Псковский и Рижский Иннокентий Нечаев (1763-1798), дольше других управлявший епархией из столицы, издал распоряжения, роковым образом повлиявшие на состояние церковных древностей Пскова. Ему принадлежит роль проводника государствен-

ной программы по секуляризации церковных земель и закрытию малобратственных монастырей, а также указ 1786 г. о массовом упразднении "излишних" ветхих храмов и распоряжение от 28 августа 1764 года "запрещавшее погребать умерших мужского и женского пола в церквях, что еще было в обычае".¹³³ Таким образом, традиция захоронений в храмах была искусственно прервана, одновременно с ней прекратилось изготовление каменных надгробных плит на псковском посаде. Разумеется, что вместе с уничтоженными псковскими храмами погибли и их некрополи.

Последнее по времени каменное надгробие из известняковой плиты, созданное в Пскове, относится к 1791 г. Оно сохранилось на кладбищенской церкви Святых Жен Мироносиц от скудельниц, на внешней стене придела Рождества Христова с северной стороны. Для наглядности приведем текст его эпитафии:

1. 1790 āīāā āīōāēy 7 ÷ēīēā īōāīōāāēīy
ōāāū
2. āēēē īīēīāēīē ēōīāōū òēī īōāē ōāāīōīāū
3. īīū ÷āōīīē āū āāīū īāāēīūē īīīēōāīē
āī āōīōīī
4. ÷āīō , ōīāēēīy . 744. āīāā ōāāōāēy
21 ÷ēīēā īī
5. æēāā āīāōū ēYōā xōīæāāī\y īāīāāī
. 46. è 6 īīīī
6. è īīēīæāī āīāē īīēāōēā , 791 āīāā
ōāāōāēy 20 ÷ēīēā ā
7. īōōīēēā īīēāōēō æāīā āāī āāīāā īōā-
ōāī\āā āāīvēāā 1790 āīī

Эта плита уже совсем непохожа на традиционные древнепсковские керамиды. Она представляет собой горизонтально расположен-

ную прямоугольную плиту из серого известняка, размерами 34 X 68 см. Надпись нанесена способом выемчатой резьбы, чем она также отличается от старинных плит, изготовленных в технике обронной резьбы. В качестве украшения по краям нанесен простой орнамент в виде изогнутых веточек. Мемориальные слова написаны поздним видоизменившимся полууставом, с использованием арабской нумерации. Все свидетельствует о том, что традиционное мастерство художников-камнерезчиков выродилось и забылось. Примерно в это же время, с конца XVIII века на псковских кладбищах появляются мраморные, гранитные и базальтовые памятники, изготовленные в Санкт-Петербурге, Риге и других городах. Они полностью вытеснили местное мемориальное производство на многие десятилетия до конца XIX в. Между тем старое псковское ремесло уже не возрождалось. Вкусы оформления надгробий привносились из столицы.

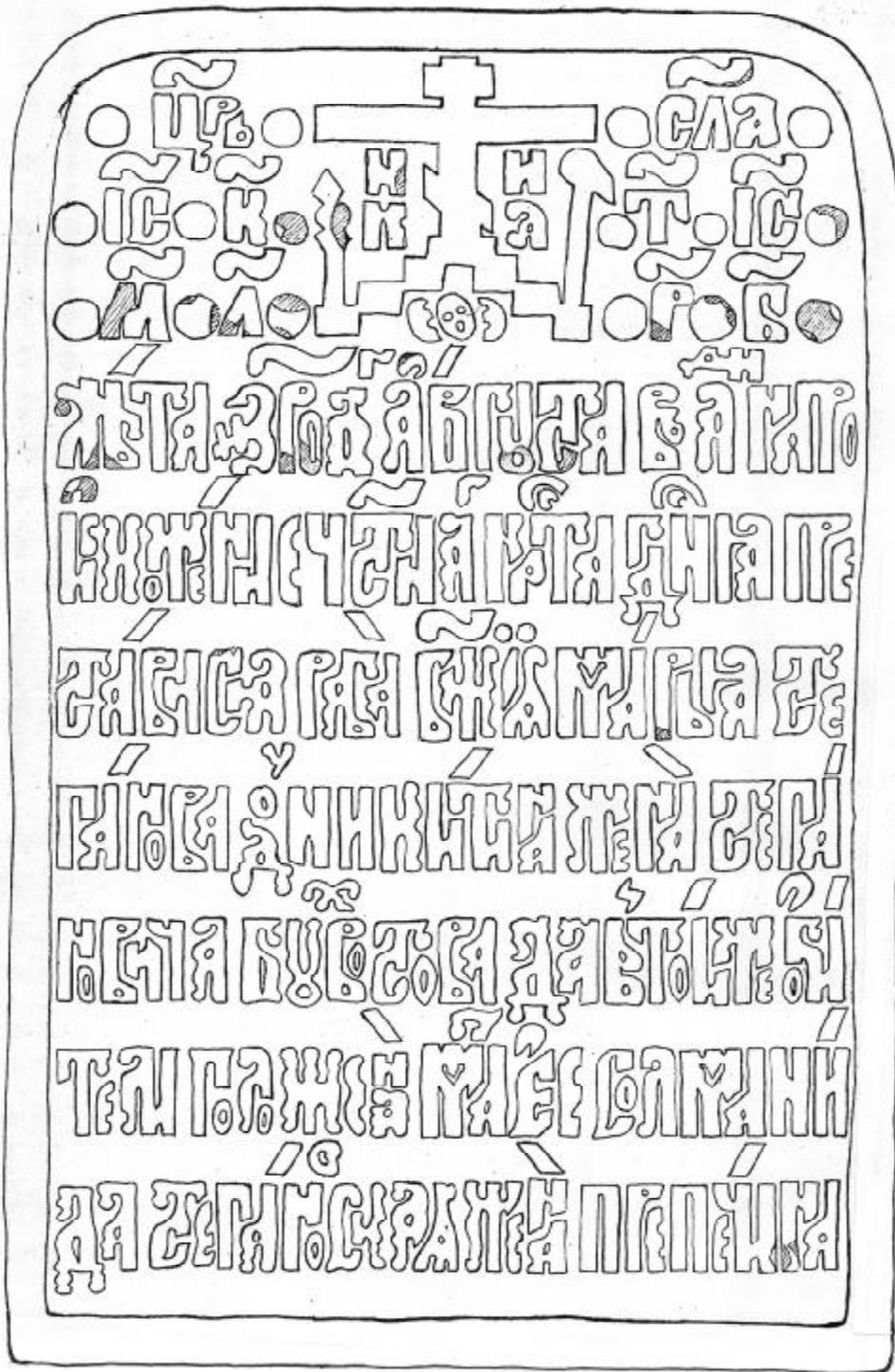
Каменные надгробия Пскова XVI-XVII веков, безусловно, являются исключительно важными, уникальными историческими источниками, заслуживающими к себе большего внимания. Созданные псковскими посадскими мастерами-резчиками, такими, как Иван Степанов сын Щетинкин (1695 г.), памятные плиты представляют собой подлинные произведения искусства. Техника обронной резьбы по камню, основываясь на местной традиции, достигла в Пскове XVII века своего расцвета. В то время практически во всех храмах города на церковных стенах были надгробия. К сожалению, из них сохранились лишь немногие. Но и они продолжают свидетельствовать о замечательной художественной одаренности мастеров древнего Пскова и побуждают исследователей к восстановлению утраченной памяти наших предков.

Благодарю В. И. Лабутину, заведующего отделом учета и хранения археологических фондов Псковского музея-заповедника, за любезно предоставленную возможность работы в церкви Новое Вознесение и содействие в натурном обследовании надгробных памятников.

Примечания

64. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. - СПб., 1877. - С. 308.
65. *Окулич-Казарин Н.Ф.* Спутник по древнему Пскову. - Изд. 3-е. - Псков, 2001. - С. 138-139; *Плешанова И.И.* Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. - Вып. XII. - М., 1978. - С. 139.
66. *Шляпкин И.А.* Опись рукописей и книг музея Археологической Комиссии при Псковском Губернском Статистическом комитете. - Псков, 1879. - С. 28.
67. *Окулич-Казарин Н.Ф.* Спутник по древнему Пскову. - Изд. 2-е. - Псков, 1913. - С. 165-166.
68. Там же. - С. 166.
69. Там же. - С. 176.
70. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 602. Псковская Духовная Консистерия. О.Ф. 12374(7). Инв. № 325. Формулярные (клировые) ведомости церковей города Пскова за 1800 год. Л. 11; РГАДА. Ф.280. Коллегия экономии. Офицерские описи 1763 г. Оп. 3. № 99. Л. 1-1 об.
71. *Волкова С.А.* В.А.Богусевич и историческая экспозиция в Поганкиных палатах в 1930-1935 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 21. - Псков, 2004. - С. 31, 32.
72. *Плешанова И.И.* Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. - Вып. XII. - М., 1978. - С. 139.
73. Следственное дело о князе Д.П.Пожарском... // ЧИОИДР. - М., 1870. - Кн. 1. - Отдел V: Смесь. - С. 23.
74. Сб. МАМЮ. - Т.6. - М., 1914. - С. 85-87.
75. *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. - М., 1969. - С. 102-103; Сб. МАМЮ. - Т. 6. - М., 1914. - С. 99-100.
76. Сб. МАМЮ. - Т. 6. - М., 1914. - С. 116.
77. Там же. - С. 102, 103.
78. Сб. МАМЮ. - Т. 6. - М., 1914. - С. 100-102.
79. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 517. Инв. № 1141. Л. 63.
80. Там же. - Л. 34, 62.
81. Родословие составлено по следующим источникам: Для рода Перепечиных: Сб. МАМЮ. - Т. 5. - М., 1913. - С. 165, 365; ЧИОИДР. - М., 1870. - Кн. 1. - Отдел V: Смесь. - С. 30, 33; ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 432. № 98. Синодик Николо-Любятова монастыря 1681 г. - Л. 60.
Для рода Бухвостовых: Сб. МАМЮ. - Т. 6. - М., 1914. - С. 116, 120, 267, 268, 269, 382, 462; ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 831 (Троицкого собора). № 90 (Синодик Троицкого собора). - Л. 87 об.; № 94. - Л. 115; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8500. Л. 160 об., 258, 297 об.; Кн. 8503. Л. 25 об., 111 об.; Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Кн. 12. Л. 52 об.; Кн. 38. Л. 31 об.; Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог. / Составитель Енин Г.П. - СПб., 1997. - С. 97-98.; Сведения о числе ревизских душ в Псковской губернии, числившихся за разными сословиями и учреждениями, по переписи 1756 года. / Сообщил И.И.Василев // Сборник трудов членов ПАО за 1896 год. - Псков, 1897. - С. 24.
82. *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. - Т.1. - М., Л., 1947. - С. 294, 423, 428.
83. Следственное дело о князе Д.П.Пожарском, во время бытности его воеводою в Пскове // ЧИОИДР. - М., 1870. - Кн. 1. - Отдел V: Смесь. - С. 30, 33.
84. Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог. / Составитель Енин Г.П. - СПб., 1997. - С.27.
85. Сб. МАМЮ. - Т. VI. - Кн. 2. - М., 1914. - С. 65-66.
86. Там же. - С. 80.
87. *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. - М., 1996. - С. 271.
88. Сб. МАМЮ. - Т. VI. - М., 1914. - С. 462-463.
89. РГАДА. Ф. 139. Оп. 1. Кн. 12. Л. 63; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 850. Л. 160 об.
90. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 45. Псковский Архиерейский дом. Инв. № 289. О.Ф. 12362(2). Л. 5.
91. Там же. Ф. 45. № 669. О.Ф. 12362(19). Л. 5.
92. *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV веков. - М.: МГУ, 1966. - С. 58.
93. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 831. (Троицкий собор). Инв. № 90. Л.42 об.; № 94. Л. 64 об.
94. РГАДА. Ф. 337. Канцелярия МАМЮ. Оп. 1. № 8925. Л. 3. (текст на л.120-127). // Материалы для VII тома Сборника МАМЮ: "Церковная книга" по Пскову и его пригородам / Подготовлены и отредактированы Василием Нечаевым в 1912-1917 гг.
95. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 45. Инв. № 669. Л. 2.
96. Там же. Ф. 45. Инв. № 289. Л. 3-3 об., 4 об.-5.
97. *Осипова Н.П.* Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника. - Ч. 1. - Псков, 1991. - С. 205-206 (Приложение).
98. *Постников Б.А.* Серебряник М.В.Сарпунов и его двор в Пскове. - Рукопись. (Архив Б.А.Постникова).
99. *Годовиков И.Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. - Вып. 2. - Псков, 1881. - С. 65-67. Однако И.Ф.Годовиков неверно атрибутировал придел, назвав его Похвальским.

100. *Окулич-Казарин Н.Ф.* Спутник по древнему Пскову. - Изд. 2-е. - Псков, 1913. - С. 166.
101. *Степанов С.В.* Отчет об археологических раскопках в г. Пскове у церкви Новое Вознесение и на ул. Советской, 42-а в 1995 году // ПГНИАЦ. - Фонд Отдела археологии ПМЗ. - Оп. 1. (научные отчеты). - Дело 98. - Л. 5-7.
102. Общий гербовник дворянских родов Всероссийския Империи, начатый в 1797-м году. - Ч. 2. - СПб., 1798. - Л. 49-49 об. (Герб рода Лодыженских и пояснения к нему).
103. Долгоруков П.В., князь. Российская родословная книга. - Ч. 2. - СПб., 1855. - С. 49-55; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб., 1896. - Т. 17. - С. 244.
104. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 402. Лодыженских. Инв. № 913 (О.Ф. 28838/1). А также другие документы фонда: О.Ф. 28838/2 - 28838/58; ГАПО. Ф. 110 Псковское Губернское дворянское депутатское собрание. Оп. 1. №490. Дело по указу герольдии о доставлении сведений о доказательствах древности рода Ладыженских и о внесении в шестую часть родословной книги гвардии подпоручика Евграф Семенова Ладыженского. (26 марта 1804 - 12 сентября 1858 г.). На 53 лл.; Документы из местных архивов. Духовное завещание Порховского помещика Ладыженского / Сообщил К.Ильинский // Труды ПЦИАК. Псковская старина. - Т.1. - Псков, 1910. - С. 64 - 70. Сб. МАМЮ. - Т. VI. - М., 1914. - С. 169, 181, 272-273.
105. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. № 490. Л. 5 об.
106. Сб. МАМЮ. - Т. VI. - М., 1914. - С. 181.
107. РГАДА. Ф.137. Оп. 1. Кн. 12. Л. 72 об; Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог / Составитель Енин Г.П. - СПб., 1997. - С 39.
108. РГАДА. Ф.137. Оп.1. - Кн. 38. - Л. 26; ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 381. (Крыпецкий монастырь). Инв. № 243. Л. 10. Синодик Ивано-Богословского Крыпецкого монастыря, писанный со старого в 1718 г.
109. РГАДА. Ф.137. Оп. 1. Кн. 12. Л. 64 об.-65.
110. РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. № 8500. Л.292.
111. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 831. Синодик Троицкого собора. Инв. №90. Л.55 об; Ф. 432. Синодик Николо-Любятова монастыря. Инв. №. 98. Л. 92 об.
112. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 517. Синодик Ново-Вознесенского монастыря. Инв. № 1141. Л. 59.
113. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 38. Л. 20.
114. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подготовил к печати А.А.Зимин. - М.-Л., 1950. - С. 98.
115. Сб. МАМЮ. - Т. V. Псков и его пригороды. - Кн. 1. - М., 1913. - С. 109.,202, 204, 355.
116. *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. - М., 1969. - С. 51.
117. Там же. - С. 65, 83.
118. Там же. - С. 83-84.
119. Там же. - С. 65, 70.
120. Там же. - С. 85 (Примечание 38). Ссылка на: РГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стлб. 105. Л. 144.
121. Приходорасходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. / Составил академик С.Б.Веселовский. - М.: "Наука", 1983. - С. 155.
122. Сб. МАМЮ. - Т.V. - М., 1913. - С. 109, 202, 204, 355.
123. Следственное дело о князе Д.П.Пожарском... // ЧИОИДР. - М., 1870. - Кн. 1. - Отдел V:
124. Сб. МАМЮ. - Т.VI. - М., 1914. - С. 85.
125. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 831. № 90. Синодик Троицкого собора. Л. 59, 59 об., 60.
126. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. - М., 1986. - С. 189.
127. Сб. МАМЮ. - Т. VI. - М., 1914. - С. 101.
128. Там же. - С. 99.
129. *Тихомиров М.Н.* Указ.соч. - С. 318.
130. ПИХМЗ. Дрeвлехранилище. Ф. 831. Троицкого собора. Инв. № 90. Л. 84; Инв. № 94. Л. 112; Ф. 432. Николо-Любятова монастыря. Инв. № 98. Л. 79, 81 об.-82.
131. *Апухтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. - Краткий исторический очерк. - М., 1914. - С. 13.
132. Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XII-XVII вв. - М., 1996. - С. 260-264.
133. *Смиречанский В.Д.*, священник. Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. (Исторический очерк с XVI по XIX в.). - Остров, 1895. - С. 119-120.

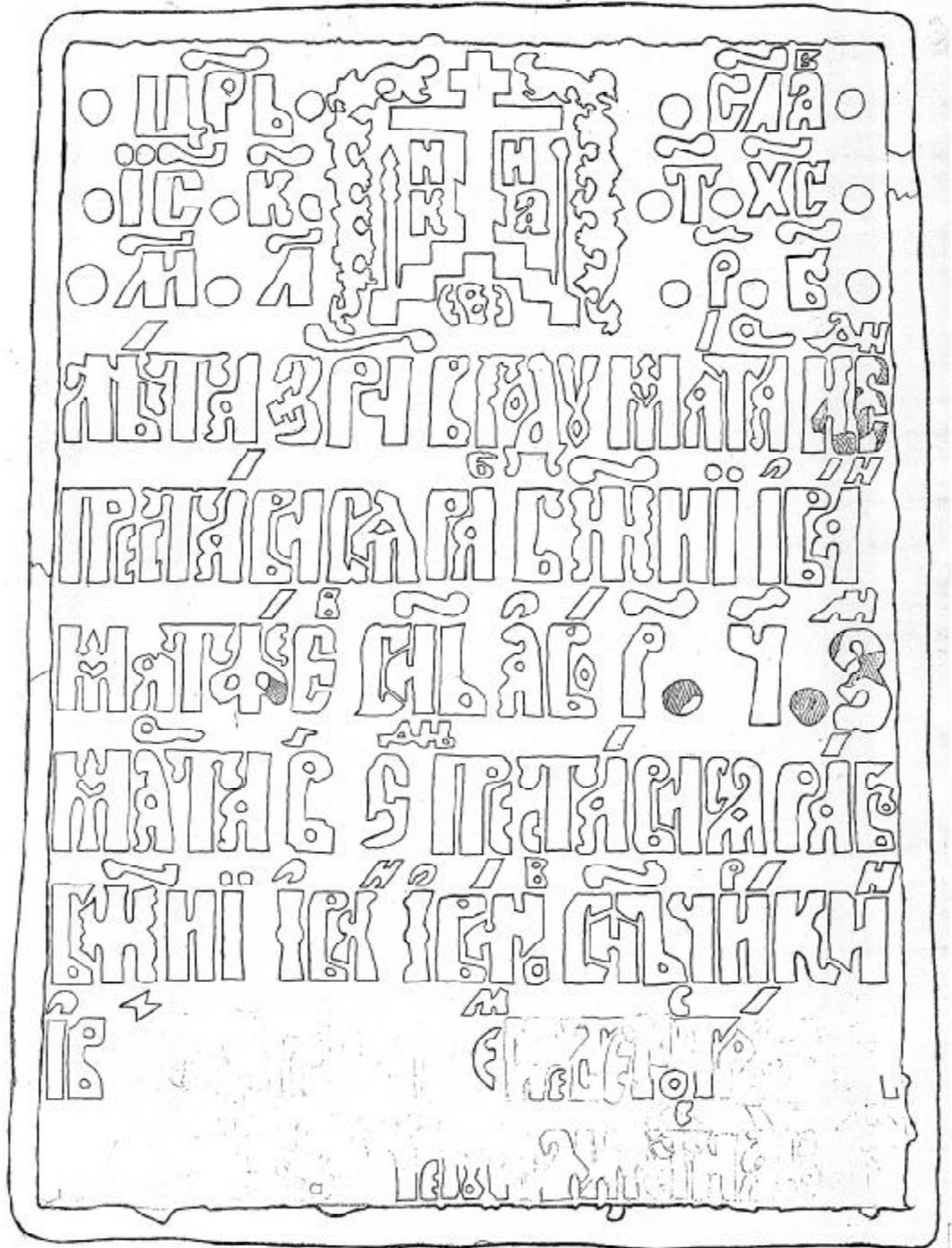
Плита М.С.Бухвостовой и С.Перепечиной.

Надгробие В.А.Сарпунова и его жены Зиновии

Надгробие М.Н.Лодыженского и его жены Анны

Каменная плита И.М.Чиркина и И.И.Чиркина